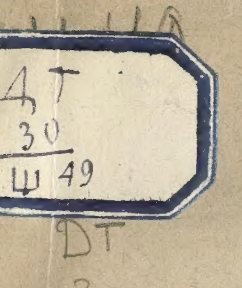

Отголоски XVIII вѣка.

СЕЛО МАРКОВО.

Графа С. Д. Шереметева.

Изъ майской книги журнала „ПРИРОДА и ОХОТА“.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

Отголоски XVIII вѣка.

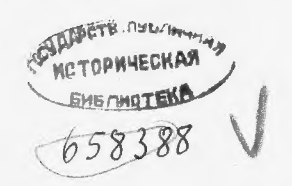
СЕЛО МАРКОВО.

Графа С. Д. Шереметева.

Изъ майской книги журнала „ПРИРОДА и ОХОТА“.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержден. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К⁰,
Пименовская улица, соб. домъ.
1896.

Село Марково.

«Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ,
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ;
Борзыя прыгаютъ на сворахъ».
Пушкинъ.

Село Марково, Бронницкаго уѣзда, нынѣ покинутое и забытое, когда-то славилось своею усадьбою, изстари насиженнымъ гнѣздомъ многихъ поколѣній, отъ Шереметевыхъ и Одоевскихъ перешедшимъ, черезъ Черкасскихъ, къ единственной ихъ наслѣдницѣ, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Шереметевой *). Здѣсь, въ прошломъ столѣтіи, у Графа Петра Борисовича собирались гости, псовые охотники, сосѣди и пріятели его. Сюда съѣзжалась и молодежь и, судя по разсказамъ Т. В. Шлыковой, время проходило оживленно и весело. До конца дней своихъ, Гр. Петръ Борисовичъ дорожилъ Марковымъ по многимъ воспоминаніямъ и привязанность эта вполнѣ унаслѣдована его сыномъ. Съ особенною любовію украшали они Марково и отдыхали въ немъ отъ заботъ и обязательствъ.

Здѣсь, на берегу рѣки Москвы, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Малаховскими заливными лугами, когда-то завѣщанными Симеономъ Гордымъ второй женѣ своей, кн. Маріи Александровнѣ Тверской, уцѣлѣла и донынѣ древняя пятиглавая церковь Казанской Божіей Матери, построенная въ 1690 году.

---

1) А. Барсукова г. Шер.
2) Собр. Гос. Гр. Доч. ч.
3) Пол. Др. П. с. Султанова. Пам. др. Зодч. Кол. Бр. у. „Зодчій“ 1884.
4) Карамзинъ. Пут.

Близъ нея въ прошломъ столѣтіи была усадьба при селѣ Марковѣ, уцѣлѣвшая и въ началѣ нынѣшняго вѣка.

Сохранился акварельный рисунокъ стараго дома съ слѣдующею надписью, довольно безграмотною:

«Marcovo on the Moskva Reka. Fortay miles from Moskaw secte belonging to hise Exellersy Caunt Cheremettof Seneter».

Въ концѣ столѣтія, проѣздомъ, посѣтилъ Марково Карамзинъ. «Въ селѣ Марковѣ,—говоритъ онъ,—я останавливался искать на берегу Москвы рѣки окаменѣлостей, которыми оно славится. Мнѣ удалось найти пять или шесть камней, довольно замѣчательныхъ цвѣтомъ и видомъ: одинъ съ удивительнымъ совершенствомъ представляетъ кусокъ ржаного хлѣба».

Теперь уцѣлѣла одна только церковь, представляющая изъ себя замѣчательный памятникъ древняго зодчества.

Сохранилась опись 1811 года, на основаніи которой можно возстановить расположеніе и устройство усадьбы. Отъ послѣдней и слѣдовъ не осталось; только нѣсколько деревьевъ уцѣлѣло отъ стараго сада, доходившаго до самой рѣки. Все заглохло, запустѣло и былью поросло...

Въ 40-хъ годахъ прошлаго вѣка хозяйкою Маркова была княгиня Марья Юрьевна Черкасская (вторая жена канцлера), но уже въ 60-хъ годахъ мѣстные управители сносятся съ новыми хозяевами, обращаясь

«къ Государю Графу Петру Борисовичу и къ Государынѣ Графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ».

Уже тогда существовала въ Марковѣ псовая охота. Такъ въ 1754 году пишетъ управитель Василій Саблуковъ:

«Сего 754 марта дня въ Москву, въ домовую канцелярію, въ отписки что имѣется въ с. Маркови Ивани Казеннаго В. С. овса, за употребленіемъ въ прошломъ 753 году по указу В. С. въ кормъ псовой охоте 12 четвертей».

Въ 1760 году вмѣсто Саблукова подписывается Иванъ Агафоновъ, а въ 60-хъ, 70-хъ и 80-хъ, до кончины Петра Борисовича, неизмѣнно подписывается Андрей Агафоновъ.

Вотъ образцы его донесеній:

15 Генваря 1780 г.

«Государь Графъ Петръ Борисовичъ.

Доношу Вашему Сіятельству: нижеслѣдующаго числа пришедъ ко мнѣ нижайшему находящійся въ с. Марковѣ садовникъ Иванъ Ильинъ словесно требовалъ о покупкѣ ему для чистки саду скребковъ 10, для покрытія парниковъ лубу — 100, ножикъ садовой, да еще же требуется для передѣлки парниковыхъ окончинъ столяра, того ради домовой Вашего Сіятельства канцеляріи сіе представляю что указомъ Вашего Сіятельства повелѣно будетъ.

В. С. ниж. р. Андрей Агафоновъ».

Отвѣтъ послѣдовалъ такой:

«По сей отпискѣ объ отпускѣ лубу ста изъ оставшаго Амировскаго строенія послать и прикащику Чеботаеву указъ: ножикъ садовый купить, что исполнено того же числа».

7 мая 1780 г. онъ доноситъ, что «въ Марковѣ была погода, въ третьемъ часу пополудни прежестокой дождь съ градомъ и превеликимъ вихремъ и были поврежденія въ большихъ хоромахъ въ одномъ верхнемъ покоѣ стекло вышибло, рѣшетки 6 звенъ сломило».

И донесеніе кончается словами:

«соблаговолите быть о томъ извѣстны».

28 октября 1780 г. отъ него же слѣдующее донесеніе:

«Государю Графу Петру Борисовичу.

Доношу Вашему Сіятельству сего Октября 25 дня пріѣхалъ ко мнѣ нижайшему на данныхъ ему отъ села Мещеринова подводахъ живущій въ селѣ Прудахъ Парукмахеръ Захаръ Вядинъ, словесно объявилъ, что онъ отправленъ изъ села Прудовъ по присланному указу домовой канцеляріи».

Пріѣхавшій «Парукмахеръ» почему-то показался Агафонову подозрительнымъ.

«Мнѣ нижайшему весьма стало сумнительно и по требованію его дать ему подводъ и отпустить одного не посмѣлъ, а отправилъ за присмотромъ лѣсника Ивана Долгова, чтобы онъ его довелъ до Москвы и при семъ оставилъ въ домовой Вашего Сіятельства канцеляріи».

Съ 1767 года Марково переходитъ въ непосредственное управленіе Петра Борисовича.

Въ этомъ году онъ лишился жены.

«Марково и Ивань со всѣми къ нимъ принадлежащими деревнями и доходами отнынѣ 18 мая 1767 г. будетъ подъ моимъ собственнымъ смотрѣніемъ и прикащикомъ въ ней опредѣленъ Андрей Агафоновъ, который обо всемъ рапортовать будетъ меня и исполнять по указамъ, единственнымъ за моею рукою».

Ему дается слѣдующій указъ:

«По пріѣздѣ твоемъ въ ту вотчину, принять оную въ свое вѣдомство и по прежней описи осмотря церковь со всею въ ней утварью, домъ мой со всякими уборами, въ приказной избѣ всякія крѣпости и дѣла и учинить вновь опись...

«Въ какомъ состояніи найденъ будетъ тобою домъ мой и въ немъ всякіе уборы, людской покой и всякія службы, конюшенный и псарный дворъ, оное все и описать, то что крѣпкое и что худое и какое оное требуетъ починки и что можно нынѣ къ пріему моему стараться починить и исправить».

Послѣ кончины графини Варвары Алексѣевны Петръ Борисовичъ переселился въ Москву. Всего оказалось тогда въ Марковѣ и въ Иванѣ 647 душъ, на скотномъ дворѣ племенного скота было 6 коровъ, 6 овецъ, куръ русскихъ 20, индѣекъ 20, гусей 30, утокъ 30. Всего шло въ кормъ скоту сѣна московскихъ луговъ 1089 п., овса изъ московскаго дому 91²/₈ четверти.

Въ описи 1811 года значатся слѣдующія постройки подъ псарнею:

1) *Большой псареной дворъ.*

Двѣ избы, вокругъ лавки и семь окошекъ, печи кирпичные, простые и двери на петляхъ и подст. жел.

Между оныхъ избъ сѣни двои.

Дворъ огороженъ въ столбахъ заборами, на томъ дворѣ 7 чулановъ, въ чуланахъ подѣланы для собакъ кровати.

Въ выпускѣ вороты на петляхъ и подст. желѣзн. вспускъ огороженъ въ столбахъ заборомъ изъ досокъ.

На дворѣ два сарая, въ нихъ подѣланы изъ досокъ кровати такія же что въ чуланахъ; у нихъ вороты и у одного

калитка на псарной дворъ на петляхъ и подставахъ желѣзныхъ.

Вороты переднія створчатые на подставахъ и петляхъ желѣзныхъ.

Съ того двора на поле сдѣлана калитка.

Подлѣ онаго двора сдѣланъ навѣсъ для постановки повозокъ.

2) *Дворъ для псарскихъ лошадей*:

загороженъ въ столбцахъ въ заборъ; у него и у сарая гдѣ сѣно кладутъ, вороты створчаты на петляхъ и подставахъ желѣзныхъ. На томъ дворѣ подѣланы вокругъ, для овса и сѣна, изъ досокъ ясли.

Оное строеніе покрыто по лубу драныо.

При этомъ прибавлено въ описи 1811 г.: «все ветхое».

3) *Дворъ для своры борзымъ собакамъ.*

Изба; въ ней вокругъ лавки, перегородка, у оной дверь на петляхъ и подставахъ желѣзныхъ, два окошка; печь кирпичная русская.

Сѣни рублены въ уголъ, въ нихъ перегорожены изъ досокъ два чулана; на нихъ подволока досчатая; какъ у избы, такъ и у чулановъ и сѣней двери на петляхъ и подставкахъ желѣзныхъ.

Дворъ огороженъ заборомъ, на дворѣ пять чулановъ, въ томъ числѣ три рублены въ лапу и два забраны въ заборъ; у нихъ двери на подставкахъ и петляхъ желѣзныхъ и съ накладками желѣзными.

Вороты переднiе створчатые и при нихъ калитка на подставкахъ и петляхъ желѣзныхъ.

Все вышеписанное строеніе покрыто по лубу драныо, и опять прибавлено: «ветхое».

Возстановляя обстановку, легко представить себѣ наѣзды въ Марково. Здѣсь отдыхали отъ пышнаго строя Кусковской жизни и всего болѣе съ молодыхъ лѣтъ полюбилъ Марково Николай Петровичъ.

По всей вѣроятности, перевозились въ Марково на время охоты упоминаемые въ кусковской описи предметы.

«Палатка китайская, зеленая, внутри набрано, на китайскій манеръ, пукетами.

Палатка буфетная, кухонная, палатка калмыцкая бѣлая.

Фуры большія собачьи и маленькія съ кожанными тюфяками, дуги, сѣдла, стремена и пр. принадлежности охоты.

Хомуты почтальонные, шоры, сѣдла и сѣделки, вольтрапы краснаго и зеленаго сукна, чепраки, попоны, сѣтки, которые надѣваются на осѣдланную лошадь, малиноваго шелку съ бахрамой по краямъ и около ушей и около хвоста обложены золотымъ съ городками на одну сторону позументомъ, карабины, пистоли и сабли гусарскіе, вольторны музыкантскіе мѣдные, стулья дорожные, складные, сидѣнье и спинка бѣлой кожи, камзолы гайдуцкіе, шубейки гусарскія и проч.».

Сохранилась опись и экипажамъ кусковскимъ. «Берлинъ старинный семистекольный, корпусъ рѣзной золоченый; внутри обито алымъ сукномъ; на козлахъ платъ того же сукна, на красномъ ходу.

Фаетонъ, корпусъ зеленый и ходъ красный, внутри обитъ алымъ съ цвѣточками трипомъ.

Одноколка французская; корпусъ золоченой съ купидонами; внутри обиты и подушки рыжаго бархату, по розовой землѣ голубые цвѣточки; у обитья тесемочка и у подушки бахрома мишурная, на красномъ ходу.

Одноколка покупная.

Двѣ колясочки маленькія, садовые таратайки.

Сани большія для тройки, старинныя.

Кибитка, сани большія маскерадныя, къ нимъ санокъ маленькихъ маскерадныхъ же обитыхъ синимъ стамедомъ 16, тутъ же и «возжи цуговые» кисти мундштучныя шелковыи; полевая палатка, персидская, богатая въ двухъполахъ глухихъ безъ окошекъ. Къ оной палаткѣ на малиновомъ сукнѣ вышиты изъ золота два герба, два вензеля, вокругъ гербовъ положены голубыя ленты съ Андреевскими орденами».

Охотничьи собаки были у Николая Петровича также въ Прудахъ и Вощажниковѣ.

25 сентября 1791 г. отвѣчаетъ онъ Евгенію Петровичу Кашкину:

«Получивъ извѣстіе чрезъ письмо Е. П. Ивана Ивано-

вича Голохвастова, что В. П. изволили чрезъ него доставить въ охоту мою въ село Вощажниково охоты вашей кургузой породы отъ борзыхъ собакъ двухъ чернопѣгихъ кобельковъ, что я почитаю за искренній знакъ вашего ко мнѣ благорасположенія, пріемлю оныхъ съ особеннымъ моимъ удовольствіемъ и свидѣтельствую покорнѣйшую мою благодарность, пребывая въ прочемъ съ искреннимъ моимъ почтеніемъ.

М. Г. М. В. П. пок. слуга.

Графъ Николай Шереметевъ.

Въ Марково наѣзжали: главнокомандующій князь Прозоровскій, сосѣдъ по Раменскому, князь Петръ Михайловичъ Волконскій, графъ Владиміръ Орловъ. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ была охота у Измайлова*). Но неизбѣжными участниками охоты были кн. И. А. Долгорукій и баронъ Лоутицъ, всегдашніе спутники Петра Борисовича.

Главнымъ распорядителемъ былъ «конюшій», Матвѣй Черкасовъ.

Въ 1789 г. ему дано слѣдующее руководство:

«1) Имѣть въ своемъ ведѣніи лакеевъ на основаніи даннаго повелѣнія 1773 г. 12 августа.

2) На равномъ же положеніи быть въ твоемъ ведѣніи всѣмъ конюхамъ и гусарамъ.

3) Лошадямъ разборъ и продажу имѣть по силѣ повелѣнія 1780 г. 12 февр.

4) Заводы конскіе на всегда подчиняются на основаніи инструкціи 1787 г. 19 февр.

5) Все, что состояло на рукахъ,—сдѣлать опись.

6) Имѣть приходные и расходные книги сѣну и овсу.

7) Охотники со всею принадлежностью поручаются въ полное смотрѣніе тебѣ, въ силу прежде даннаго отъ родителя моего поставленія, и всѣ лошади, какъ въ домахъ, при конюшнѣ и охотѣ.

8) Все, что потребно купить для конюшни, требовать ерлыками отъ Никиты Александрова и получать въ натурѣ,

*) Переписка съ Орловымъ.

а росп. въ его книгѣ, чему всему имѣть расходъ и запись въ данную тебѣ книгу.

9) Дежурствы по волѣ моей уставить какъ между официантами, лакеями, музыкантами и мальчиками и строгое имѣть наблюденіе, чтобъ во всемъ въ точности исполнялось.

10) Во время пребыванія моего въ загородныхъ дворахъ, наѣзжихъ жильцовъ какъ постороннихъ, такъ и своихъ, который не получилъ на то повелѣнія, отнюдь не терпѣть, чтобъ безъ докладу моего и часу не оставались.

Гр. Ник. Шереметевъ».

P. S. «Въ огородѣ и въ деревняхъ имѣть всякій день дежурныхъ, два конюха и одинъ гусаръ; ихъ имена записывать и оные дневальные наблюдать пожару или малѣйшее неустройство въ домѣ и обо всемъ увѣдомлять Матвея Черкасова, также и кто изъ приказщиковъ или изъ другихъ какихъ пріѣзжихъ людей, безъ свѣденія его ничего не было въ домѣ, а ему меня о томъ немедленно увѣдомить».

Марково, какъ мѣсто сборищъ для охоты, представляло не мало удобствъ. Среди другихъ имѣній оно занимаетъ довольно центральное мѣсто, окруженное заливными лугами и обширными въ то время лѣсами.

И донынѣ послѣдніе отчасти уцѣлѣли, образуя самостоятельное лѣсничество. Еще Карамзинъ отмѣтилъ въ своемъ дорожномъ дневникѣ: «Почти всѣ деревни, чрезъ которыя я ѣхалъ изъ Кускова до Коломны, принадлежатъ Графу Шереметеву».

При помощи описи 1811 г. попытаемся возстановить старую Марковскую усадьбу.

Въ ней было два дома.

1) *Домъ* на каменномъ фундаментѣ, длиною на 11 саж., шириною на 8, изъ сосноваго лѣсу въ два этажа, снаружи обитъ тесомъ, вокругъ окошекъ и дверей столярное украшеніе выкрашено въ дикую краску, крыто сосновымъ тесомъ въ два ряда. Крышка выкрашена муміею, кругомъ на крышкѣ парапетъ изъ досокъ. Выше парапета съ двухъ боковъ фронтоны, на одномъ со двора рѣзное клеймо съ подписью золотыми литерами, на другомъ къ рѣкѣ въ такомъ же клеймѣ вензель золоченой; входъ въ покои съ трехъ

сторонъ: 1) съ парадняго крыльца, 2) отъ рѣки и 3) съ боку, отъ слободы.

Надъ параднымъ крыльцомъ балконъ съ разными кронштейнами.

Съ приходу на крыльцо со двора сѣни. Здѣсь на стѣнахъ висѣло пять картинъ, кораѣли на морѣ, въ черныхъ рамахъ, у одной внутри бортики вызолочены.

Къ потолку привѣшанъ фонарь желѣзный о 6 стеклахъ.

По сторонамъ параднаго крыльца и другого отъ рѣки, противъ зала на столбахъ стояли четыре фонаря круглыхъ.

Отсюда, изъ сѣней, входили въ залъ, посреди котораго «на блафонѣ» висѣло паникадило хрустальное съ бронзой объ 8 для свѣчь трубками.

На потолкѣ «блафонъ» расписанъ живописью изъ миѳологіи; кругомъ рама золоченая. По всѣмъ стѣнамъ повѣшаны 6 шандаловъ хрустальныхъ, каждая съ двумя трубками для свѣчъ. Въ двухъ простѣнкахъ два зеркала съ фацетами, подъ ними столы съ мраморными досками, бѣлыми съ синеватыми струями.

Печь и каминъ изъ кафлей, по бѣлой землѣ синими цвѣтами и въ нихъ ниши, а въ нишахъ стоячій мальчикъ и дѣвочка гипсовые; у мальчика птичье гнѣздо въ рукахъ, а у дѣвочки птичка, вызолоченая поталью.

Вдоль стѣны 12 стульевъ, березовыхъ, выкрашенныхъ желтою краскою, обиты малиновымъ трипомъ травіатымъ и мѣдными гвоздями.

Вправо отъ входа дверь въ столовую. Здѣсь тѣ же зеркала въ простѣнкахъ и хрустальная люстра посреди, а на большой стѣнѣ передней — картины въ золоченыхъ рамахъ «написана собака борзая, держитъ зайца».

Тутъ же и часы большіе столовые мѣдные, въ корпусѣ которыхъ по голубой землѣ росписано золотомъ, на верху три шишечки золотыя.

Билліардъ небольшой, дубовый, оклеенъ краснымъ деревомъ и сукно зеленое и при немъ 9 шаровъ костяныхъ, 7 кіевъ, 4 маза и одна щетка.

Буфетъ деревянный о трехъ этажахъ, раскрашенъ, по угламъ рѣзьба, а на немъ «бюста алебастровая».

Здѣсь сохранялась столовая посуда, а также и фарфоровыя куклы, принадлежащія къ десерту. Они изображали разныхъ звѣрей, волковъ, лисицъ, коровъ, гусей, утокъ, козъ и индѣекъ. Отъ зала влѣво комната передъ спальней для пріему гостей.

Опять зеркала, два трюмо, въ каждомъ по два стекла, сверхъ зеркалъ рѣзьба золоченая. На стѣнѣ часы французскіе пост. на рѣзномъ золоченомъ кансонѣ, въ мѣдномъ золоченомъ корпусѣ. Софа дубовая рѣзная, золоченая, обита штофомъ, а передъ нею столикъ овальной и такое же канапэ. Занавѣси суконные зеленые, надъ дверьми двѣ картины писаны на холстѣ: танцующіе мужчины съ женщинами. Комната въ два окна.

За нею слѣдующая—«Кабинетъ Графской».

На стѣнахъ 116 эстамповъ. Посрединѣ хрустальная люстра, шесть креселъ обитыхъ зеленымъ штофомъ, кресла старинныя съ подушкою обшиты тѣмъ же штофомъ, кресла круглые красные сафьянные, гвозди мѣдные.

У четырехъ оконъ такіе же завѣсы, столикъ картонный, наугольникъ, столикъ «нахтышный», на немъ два шандала серебряными столбиками.

Отсюда ходъ въ спальну.

Образъ вв. кк. Бориса и Глѣба. Стѣны обиты холстомъ и по немъ оклеены обои бум., французскіе по желтой землѣ цвѣты въ кувшинахъ и купидоны пущаютъ птичекъ.

Столикъ складной, оклеенъ бархатомъ зеленымъ, на немъ чернильница съ песочницей хрустальные, синіе, въ мѣдномъ посеребреномъ станкѣ, мѣсто для перьевъ, колокольчикъ и двѣ трубки для свѣчъ.

Каминъ изъ бѣлаго мрамора, надъ нимъ трюмо.

У дверей, что изъ кабинета, завѣсъ суконный, красный.

Позади ниши печь израсчатая, голубая.

Отсюда входъ въ гардеробу и также печь изразчатая голубая.

Маленькій проходъ къ сѣнямъ—круглый фонарь на потолкѣ.

Изъ передней направо двѣ комнаты, гостинныя.

Въ первой на стѣнахъ семь картинъ, писаны изъ масла, звѣриная охота, въ золоченыхъ рамахъ.

Во второй подъ зеркаломъ комодъ на ножкахъ французской, набранъ разнымъ деревомъ, и опять картины, масляной краской: звѣриная и егерьская охота, въ золоченыхъ рамахъ.

Далѣе слѣдуютъ «сѣнцы» промежъ гостиной и столовой.

Здѣсь на стѣнахъ четыре эстампа гротовъ за стекломъ въ черныхъ рамахъ и фонарь желѣзной.

Отсюда лѣстница въ верхній этажъ.

Верхній этажъ отъ церкви.

1) Наугольная къ рѣкѣ комната гостиная, на стѣнахъ семь картинокъ цвѣтныхъ «разныхъ сюжетовъ».

Нишь, завѣсъ и подзоры штофные зеленые. Тутъ же на стѣнахъ 10 картинокъ, представляющихъ комедіантовъ. Комната въ пять оконъ. Завѣсы съ подзорами серпинковые полосатые.

Стѣны обиты полосатыми обоями зелеными, съ чернымъ и бѣлымъ.

Перегородка отдѣляетъ «передспальну».

Вмѣсто прихожей сѣнцы.

2) Вторая наугольная—на дворъ.

Подъ зеркаломъ нахтышный столикъ. Двери створчатыя и тутъ же рядомъ

3) Спальна, съ нишей, шесть креселъ плетеныхъ съ подушками, съ двумя лѣтними окнами.

Въ домѣ комната вмѣсто сѣней, изъ которой выходъ на балконъ. Здѣсь образъ Покрова и стѣны безъ обоевъ. На стѣнахъ 8 эстамповъ черной туши, рамки узенькія, золоченые, 5 дубовыхъ стульевъ и столъ и два комода. На балконъ двери свѣтлыя.

Комната изъ балконной на правую сторону.

Подъ окномъ столъ, доска аспидная, стѣны обиты бумажками, два окна.

Угольная спальная на дворъ, съ образомъ Софіи Премудрости Божіей.

Опять нишь съ полосатымъ завѣсомъ. Изъ оной комнаты—комната средняя.

Спальня угольная къ рѣкѣ отъ слободы.

Въ тѣ комнаты проходныя сѣнцы, тутъ же и средній корридоръ и лѣстница внизъ съ фонаремъ на потолкѣ.

Изъ онаго корридора надъ заломъ дверь съ защелкой, по обѣ стороны къ отрубамъ два чулана.

Надъ залою же «гардеробъ или кладовая» въ два окна и рядомъ «кладовая казенная» въ одно окно.

Въ 1811 году въ этихъ кладовыхъ оказались оставшіяся за употребленіемъ вещи:

Портретъ большой И. Елизаветы Петровны въ рамѣ золоченой съ короной.

Портретъ Государыни Анны Іоанновны.

Двѣ картины неб. мужчины и женщины и двѣ съ различными персонажами и прочія картины, безъ обозначенія мастеровъ.

Картинки цвѣтныя, переводныя. Эстампы черной туши и цвѣтные, два листа портретовъ: одинъ Римскаго Императора Августа (!), а другой—Римской Императрицы Елисаветы Христины.

Любопытны могли быть два портрета: графа Петра Семеновича Салтыкова и князя Куракина, съ ружьями и съ собаками, въ черныхъ рамахъ, внутри бортики золоченые.

Два плана печатн. с. Кускова, планъ печатн. Москвы. Два календаря французскіе съ персонажами.

Двѣ ланкарты печатн. Россіи и Польши. Календари рос. съ нѣмецкимъ 1772 и 1773 г. Рамы золоченыя и гладкія. 12 эстамповъ за стеклами въ черныхъ рамахъ напечатана псовая и егерьская охота, вынесены изъ уборной.

Портретъ гр. Варвары Алексѣевны въ черныхъ рамахъ. Опять картины разныхъ размѣровъ и 116 рамъ, разныхъ мѣръ, выкрашенныхъ въ голубую краску безъ эстамповъ и кромѣ того множество эстамповъ.

Двѣ картины съ написанными глобусами.

Въ кладовыхъ хранились разные остатки шелковыхъ и прочихъ матерій:

Французской штофы, тафта, камка желтая, подушки, отъ кровати два кзылца (sic) штофные, зеленые съ городками, завѣсы китайскія, подзоры, фолбары, позументы къ билліарду, тикъ, кисти, мѣдныя кольца, чахлы сукна зеленыя, скатерти. холстъ.

Разныя мебели и пр... Подъ такимъ заглавіемъ хранились:

Бюро старинное дубовое съ черной кожей на немъ, шкафъ съ полками, въ немъ простой календарь 1787 года.

Комодъ, кресло старинное рѣзное, дубовые стулья, цвѣтники, шкатулка оклеена хазомъ, внутри оклеена обьярью зеленою. Въ ней зеркало прибыльное и уменьшительное, туалетныя принадлежности, бритвы, книжка записная черепаховая съ серебрян. замочкомъ и карандашомъ, въ ней листочки костяные, юла костяная черная, на ней слова латинскія.

9 зеркалецъ.

Гостинныя постели, 7 кроватей желѣзныхъ, 4 кровати дубовыхъ, перины съ тиковыми наволоками, пуховые матрасы, одѣяла, колпаки, халаты, туфли и проч.

Все это заключалось въ такомъ видѣ въ главномъ Марковскомъ домѣ, когда составлялась опекунами опись 1811 г. Марково уже было давно покинуто послѣ 1803 года. Оно слишкомъ напоминало прошлое, навсегда утраченное. Но легко возстановить обстановку усадьбы на основаніи имѣющейся описи.

Не менѣе отца своего привязался къ Маркову графъ Николай Петровичъ. Съ 1789 года можно прослѣдить за его распоряженіями и заботами по благоустройству материнскаго имѣнія.

«Въ Марковѣ берещенную бесѣдку стараться если можно поправить или сдѣлать новую, а поддержку шпалеровъ оставить впредь до разсмотрѣнія».

Онъ же пишетъ Андрею Агаѳонову.

«Какъ Кусковскій садовникъ Раккъ*) получилъ отъ меня повелѣніе ѣхать въ Марково для разводу вновь цвѣтниковъ, то дѣлать ему въ томъ всякое пособіе и требуемое имъ число работниковъ людей давать безъ всякаго задержанія».

Августа 15. 1790 г.

Того же года задумалъ Николай Петровичъ оживить Марково устройствомъ въ немъ театра.

«Полагаю я сдѣлать въ селѣ Марковѣ театръ, для коего

---

* *Раккъ* служилъ еще при Петрѣ Борисовичѣ, кусковское садоводство котораго славилось.

уповательно по предписанію моему отъ 9 ноября прошлаго 1790 года и надлежащее число лѣсу заготовлено, который по сдѣланномъ Мироновымъ плану, подъ его смотрѣніемъ обще съ прикащикомъ Агафоновымъ и начинать строеніемъ безъ продолженія времени». Мая 24 д. 1791 г.

Предписаніе, на которое онъ ссылается, было слѣдующее:

«По приложенной при семъ смѣтѣ на постройку театра въ с. Марковѣ, показанное число лѣсу повелѣваю нарубить въ Константиновскихъ и Амировскихъ моихъ рощахъ и все значущееся въ ней пріуготовить тѣхъ селъ крестьянами, что и доставить по нынѣшнему зимнему пути на ихъ крестьянскихъ подводахъ въ с. Марково». Ноября 9 д. 1790 г.

Туда же направляется архитекторъ Мироновъ, которому выдается 300 рублей.

Марковскій театръ, конечно, не могъ отличаться изяществомъ и удобствами Кусковскаго. Онъ былъ изъ березоваго лѣсу на 13½ саж. длиною, на 4½ саж. шириною, съ концовъ рубленъ въ уголъ, средины въ столбы; съ пріѣзду задняго крыльца сдѣлана прихожая. Изъ театра на лѣвой сторонѣ комната со стульями, на правой сторонѣ чуланъ. Вверхъ на галлерею—лѣстница; галлерея спереди загорожена балясами, выкрашенными бѣлилами, на галлереѣ семь скамей простыхъ столярной работы.

Въ театрѣ потолокъ подбитъ холстомъ и выбѣленъ. Въ немъ четыре скамьи столярной работы, обиты сукномъ краснымъ и обложены тесьмой желтой.

6 креселъ, обиты штофомъ зеленымъ.

2 кресла, задки выгибные, подушки накладные сафьянные желтые.

На сценѣ завѣсъ подъемный, камчатый красный, 15 кулисъ съ подзорами разныхъ видовъ.

4 столба обиты бумагой политурной и выкрашены красною краской, на которыхъ утверждены балки, потолокъ.

Одна рама натянута на холстинѣ; написанъ мужчина въ нѣмецкомъ платьѣ.

2 стола краснаго дерева съ бронзой и съ выдвижными ящиками и у каждаго ящика по скобѣ мѣдной.

Позади театра внизу четыре комнаты, въ нихъ двѣ печи

кирпичныя, вверху три комнаты, промежъ ихъ загороженъ чуланъ для поклажи.

Въ первой комнатѣ два стола ломберные, стулья, ширмы, бомбовые зеленые, столъ нахтышной.

У всего дому 16 окошекъ, 8 фонарей, театр. кулисные шандалы и подсвѣчники.»

Конечно, у гостепріимнаго хозяина не малое значеніе имѣло помѣщеніе подъ Марковскимъ домомъ: тамъ находился каменный погребъ винамъ. Въ описи 1811 г. сказано, что «бывшія въ Фряжскомъ погребѣ вина въ 1809 году всѣ перевезены въ Москву, въ Воздвиженскій погребъ».

Веселое было житье тогда въ Марковѣ и охоты смѣнялись театральными зрѣлищами. Т. В. Шлыкова принимала во всемъ участіе и въ старости любила вспоминать давнопрошедшее время.

Увлекаясь веселою потѣхой, Николай Петровичъ съ друзьями своими неутомимъ.

„Не зная нѣгъ
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ"...

Вскорѣ послѣ кончины отца онъ пишетъ В. П. Колычеву изъ Маркова:

«Участіе, которое Вы принимаете въ моемъ положеніи, доказываетъ совершенную дружбу вашу ко мнѣ, а потому могу Вамъ сказать, что живу такъ же, какъ и вы пишите, большею частію по деревнямъ; не успѣлъ возвратиться изъ Ростовскихъ, какъ опять нахожусь уже въ Марковѣ и думаю можетъ-быть проѣхать еще далѣе. Время свое провождаю почти всегда въ трудахъ, по многимъ встрѣчамъ, сколько для хозяйственнаго свѣдѣнія, а именно для постановленія порядка на будущее время, необходимо нужнаго.

Состояніе здоровья моего не могу сказать чтобы было соотвѣтственно желанію, чечуй мой часто меня тревожитъ, однако же на то движеніе и безпрестанное упражненіе мое служитъ мнѣ отчасти лучшимъ лѣкарствомъ отъ него. Я

надѣюсь, что по возвращеніи моемъ въ Москву несомнѣнно имѣть удовольствіе видѣться съ Вами.

Любезной и почтенной супругѣ вашей свидѣтельствую мое усердное почтеніе и благодарность за содержаніе меня въ памяти».

Вотъ нѣсколько распоряженій его по части охоты.

6 октября 1790 г. пишетъ Николай Петровичъ «конюшему» Черкасову *).

«Матвѣю Черкасову.

Дошло до моего свѣдѣнія, что псовой моей охоты гончіе стаи пикеръ Терентій Тихоміровъ и борзыхъ стремянной Алексѣй Бахтеміровъ во время переѣздовъ моихъ по деревнямъ ѣздили особенно, каждый съ своими собаками, то симъ повелѣваю впредь имъ одному безъ другаго не только въ дорогѣ не ѣздить, но и собакъ всегда. . . . вмѣстѣ. Бахтеміровъ долженъ равно отвѣчать за гончихъ съ Тихоміровымъ».

Г. Н. Ш.

Села Маркова прикащику Андрею Агафонову:

Въ подтвержденіе прежнихъ повелѣній препровождаю тебѣ симъ и еще накрѣпко смотрѣть, чтобы никто въ мои дачи съ собаками не въѣзжалъ; а особливо наблюдать дачу лѣсную вокругъ деревни Бритовки и ни подъ какимъ видомъ никого туда съ собаками не впускать, кромѣ однако Князя Петра Михайловича Волконскаго **).

Авг. 24 д. 1790 г.

Гр. Н. Шереметевъ».

М. Г. мой

Г. Н. П.

Искренне мое почтеніе и привязанность къ дому, какъ и персональность, заставило меня вспомнить день В. С. тезоименитства, чѣмъ и всеусердно имѣю честь поздравить съ желаніемъ таковымъ, чтобы Богъ умножа лѣта, въ желаемомъ здоровьѣ и во всемъ удовольственное благополучіе продолжать.

---

*) Конюшій Матвѣй Черкасовъ, пикеръ Тихоміровъ и стремянной Бахтеміровъ—неизбѣжные участники охоты вокругъ Маркова.

**) Отецъ князя Михаила Петровича Волконскаго.

Я же продолжаю здѣсь мое пребываніе: первое для охоты, нынѣ же для пути, но на денекъ, если Богъ благословитъ имѣть честь скоро васъ съ почтеніемъ моемъ видѣть.

Кн. Иванъ Кольцовъ-Мосальскій».

Окт. 5 д. 1789 г.

М. Г. Гр. Н. П.

Днемъ рожденія В. С. честь имѣю поздравствовать, желая совершеннѣйшаго здоровья, благополучнаго во всемъ Боже дай Вамъ свое благословеніе и получить супругу, въ которой имѣть бы друга. По благости Господней проистекающую отъ васъ фамилію и утвержденнаго дому вашего и нашего утѣшенія вседушевно сего желаю.

Благодарю за гончихъ; они собою изрядны, но разбиты, не думаю чтобы въ состояніи гонять были; я пробовалъ: они насилу бродятъ. Лошадь, которую я обѣщалъ, она у меня здѣсь, только затѣмъ не послалъ, что не совсѣмъ въ тѣлѣ, а какъ оправится, тотчасъ пришлю; прекрасная, горская и для поля весьма способная. Съ истиннымъ моимъ почтеніемъ и пр.

Князь Иванъ К.-Мосальскій

Іюня 27 д. 1790 г.
Столбово».

«М. Г. мой
Князь Иванъ Мих.

Съ особливымъ удовольствіемъ получилъ я письмо, за что и благодарю, какъ и за тѣ желанія, въ коихъ я и не сомнѣваюсь, чтобы не происходили отъ искренней ко мнѣ любви вашей.

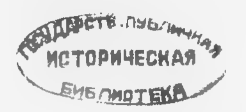
О гончихъ думаю я, чтобъ они совсѣмъ не могли быть, но не за лучшихъ я и рекомендовалъ ихъ В. С., ибо язва, бывшая прошлаго году, лишила меня самого многихъ изрядныхъ собакъ.

За обѣщаемую лошадь весьма благодарю В. С.; совершенное здѣлаете мнѣ удовольствіе если она для меня найдется способна. Затѣмъ пребываю

Г. Н. Ш.

Іюля 4 д. 1790 г.».

2

Князь Мосальскій былъ человѣкъ довольно близкій. Его дочь княжна В. Ив. часто посѣщала домовую церковь Петра Борисовича и была пріятельницею жившихъ у него въ домѣ калмычекъ, воспитанницъ гр. В. А. Шереметевой (см. «Двѣ калмычки», переписка А. Н. Фатьяновой).

«Домовой моей канцеляріи управителямъ. Для раздачи псарямъ, гусарамъ и гребцамъ заслуженное ими за прошлый 1789 г. платы, а именно: псарямъ 154 р., гусарамъ 26 р., гребцамъ 70 р. итого 250 р. повелѣваю выдать Никити Александрову съ роспискою.

Гр. Н. Ш.».

Ноября 13 д. 1790 г.

Въ слѣдующемъ 1791 году отчасти измѣнились Марковскіе порядки. Н. П. нашелся вынужденнымъ смѣнить прикащика Агафонова.

«Домовой моей канцеляріи управителямъ.

По главному докладу отъ канцеляріи на присланные изъ села Маркова отъ прикащика Агафонова рапорты о непослушаніи той вотчины крестьянъ, въ необъявленіи первыхъ зачинщиковъ въ Останковѣ положенныхъ вновь заборовъ, почему для изысканія и отправленія былъ отъ меня посланъ . . . . , а какъ оная малость была нестоющая труда, должна бы изыскана быть самимъ прикащикомъ, лежа на боку безъ посылки, отлуча отъ нужныхъ дѣлъ управителя и о томъ съ обстоятельствомъ представить, но того по оплошности и лѣности не учинено, къ тому же издавна примѣчено мною его нерадѣніе, притомъ и вступило въ разные времена отъ крестьянъ множество просьбъ въ лихоимствѣ и притѣсненіи и для того повелѣваю онаго лѣнивца изъ Маркова перемѣнить, а на его мѣсто сыскавъ хорошаго человѣка и съ одобреніемъ о его поведеніи представить ко мнѣ, а Агафонову до того времени какъ назначено будетъ отъ меня вновь мѣсто быть въ Марковѣ и къ сдачи вотчины и всего того, что есть въ его смотрѣніи, быть готову въ скорости, о чемъ и канцеляріи послать приказъ о вышеписанномъ крестьянинѣ къ поступленію за его дерзости и взнесть ко мнѣ при докладѣ.

Іюля 24 д. 1791 г. Гр. Н. Ш.».

Эго было крупное, мѣстное событіе. Агафоновъ обжился въ Марковѣ и засталъ еще тамъ времена отдаленныя, вревремена хозяйничанья княгини Марьи Юрьевны.

Въ концѣ 90-хъ годовъ Н. П. вынужденъ былъ переселиться въ Петербургъ. Жизнь его сложилась иначе — и онъ сталъ отставать отъ старой любимой потѣхи.

Послѣ 1803 года у него уже нѣтъ и собакъ, какъ знаемъ изъ его переписки съ Д. А. Олсуфьевымъ.

Мил. Госуд. мой Дмитрій Адамовичъ.

Весьма пріятно для меня здѣлать вамъ угодное и съ великимъ удовольствіемъ далъ я приказаніе въ Москвѣ управителю, чтобы онъ ежели найдетъ кого оставшихся охотниковъ, къ вамъ прислалъ. Впрочемъ часть сія такъ разстроена, что едва ли можно будетъ собрать что-нибудь по требованію вашему, а особливо борзыхъ, которые всѣ истреблены.

19 авг. 1804 г. Г. Ш.

Ему же, пишетъ онъ: «27 сент. 1804 г.

Естли на будущую весну будетъ вамъ нуженъ какой охотникъ для псовой ѣзды, то прошу меня увѣдомить, я псаря какъ нибудь приготовлю. Собакъ, какъ вамъ самимъ извѣстно, нѣтъ. Повѣрьте, что мнѣ очень было удивительно, что не могъ такой малости вамъ служить, имѣя къ вамъ чувства совершенно искренней привязанности. Дарьѣ Алекс. свидѣтельствую мое почтеніе и любезному вашему секретарю.

Г. Ш».

Еще 24 сент. 1807 г. Князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ «проситъ позволенія поохотиться въ дачахъ Е. С. со псовою охотою».

Это было почти за годъ до кончины Николая Петровича.

Вспоминая прошлое Маркова въ XVIII вѣкѣ съ его псовою охотою и театромъ, мы пользовались домашнимъ архивомъ. Старая помѣщичья жизнь и весь бытъ того времени ярко обрисовываются въ семейныхъ архивахъ. Французы давно опередили насъ въ изысканіяхъ подобнаго рода, причемъ нерѣдко выдвигается ими и то, что можетъ показаться мелочью; на самомъ же дѣлѣ, и иныя мелочи не лишены своего значенія.

Чѣмъ болѣе освѣтится бытовая сторона прошлаго вѣка, тѣмъ сознательнѣе будутъ и сужденія о немъ, лишенныя предвзятыхъ взглядовъ и потому болѣе безпристрастныя. Факты имѣютъ свое краснорѣчіе, иногда не согласующееся съ извѣстными представленіями;—нельзя забывать, что XVIII вѣкъ, былъ временемъ процвѣтанія искусства. Въ самыхъ забавахъ и увеселеніяхъ его было много художественнаго.

Въ данномъ случаѣ, сборища и увеселен.я въ с. Марковѣ не удручали населенія, жившаго всегда въ добромъ согласіи съ своими помѣщиками изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Это было изстари родовымъ и обоюднымъ преданіемъ, и если съ одной стороны процвѣтало сценическое, музыкальное и строительное искусство въ богатой усадьбѣ XVIII вѣка, то рядомъ поощрялись и мѣстные промыслы, — процвѣтали благотворительныя, богоугодныя учрежденія, для крестьянъ больницы и цѣлая сѣть народныхъ училищъ, построенныхъ и содержимыхъ на средства владѣльцевъ.

Достаточно ли у насъ изслѣдована эта сторона бытовой жизни прошлаго вѣка? Не грѣшатъ ли иногда сужденія наши о немъ нѣкоторою односторонностью? Съ XVIII вѣкомъ нужно быть осторожнымъ:

Недаромъ говоритъ Каро:

L'oeuvre du XVIII siècle est tellement complexe, elle offre un tel mélange de bien et de mal, de destructions nécessaires et de ruines regrettables, elle a servi à tant de nobles causes et il les a si souvent compromises par la manière de les servir, qu'il est difficile de porter une sentence unique dans un procèsi aussi vaste *)»

«Дѣло XVIII в. на столько сложно; оно представляетъ изъ себя такое смѣшеніе добра и зла, необходимыхъ разгромовъ и разореній напрасныхъ; этотъ вѣкъ служилъ столькимъ благороднымъ цѣлямъ, и столь же часто компрометировалъ ихъ самымъ способомъ служенія, — что трудно вынести приговоръ единогласный въ столь обширной тяжбѣ».

Въ послѣдніе годы своей жизни, уже въ Петербургѣ, разбитый горемъ и безутѣшный послѣ смерти жены — Ни-

*) Caro.

колай Петровичъ продолжалъ получать донесенія изъ любимаго имъ Маркова. Онъ предоставлялъ охотникамъ право тѣшиться во всѣхъ его лѣсныхъ дачахъ—но самъ уже туда не заглядывалъ.

При чтеніи марковскихъ донесеній, мысли его должны были переноситься въ счастливое прошлое, въ годы юности и увлеченій давно и безвозвратно прошедшихъ.

Послѣ 1809 года Марково окончательно заглохло....

Въ 70-хъ годахъ мнѣ случилось побывать въ Марковѣ и впечатлѣніе всей поѣздки по Бронницкому уѣзду—осталось неизгладимо въ памяти...

Графъ Сергій Шереметевъ.

Кусково, 1896 г.

